

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

Чаровница

Елена Арсеньева

Любимая муза Карла Брюллова

«Автор»

2014

Арсеньева Е. А.

Любимая муза Карла Брюллова / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2014 — (Чаровница)

ISBN 978-5-699-70256-5

Ее первым мужчиной был царь, ее мужем стал первый красавец империи, а любовью всей жизни – великий художник Карл Брюллов. Это она, роскошная Юлия Самойлова, смотрит с его лучших полотен. Она, ненасытная в страсти, неверная в любви, но преданная в дружбе, азартная и щедрая, пронеслась по России и Европе ярчайшей кометой. Но была ли счастлива эта прекрасная женщина?..

ISBN 978-5-699-70256-5

© Арсеньева Е. А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Санкт-Петербург, 1818 год	5
Близ Графской Славянки под Санкт-Петербургом, 1827 год	7
Елагин дворец в Санкт-Петербурге, 1818 год	8
Близ Графской Славянки под Санкт-Петербургом, 1827 год	11
Санкт-Петербург, 1818 год	15
Близ Графской Славянки под Санкт-Петербургом, 1827 год	18
Санкт-Петербург – Неаполь, 1819 год	21
Близ Павловска, 1827 год	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Арсеньева

Любимая муза Карла Брюллова

Ей нет соперниц, нет подруг...
А.С. Пушкин

Санкт-Петербург, 1818 год

В один из поздних апрельских вечеров небольшая крытая карета стояла против великолепного дома номер 7 на Миллионной улице. Дом этот принадлежал одному из богатейших и знаменитейших людей Санкт-Петербурга, Юлию Помпеевичу Литте, фавориту прежнего царствования, сохранившему, впрочем, свое высокое положение и при императоре Александре Павловиче.

Дом сиял огнями, двери на высокое крыльцо были распахнуты настежь. Здесь явно кого-то ждали, причем ждали с большим нетерпением, иначе сам хозяин, высокий, статный, сохранивший и в преклонные годы свою легендарную итальянскую красоту, не стоял бы в дверях, то и дело выглядывая из них и крича что-нибудь вроде:

– Еще свечей!

Или:

– Пошлите посмотреть, едут ли!

В результате сих мероприятий дом и подъезд оказались освещены столь ярко, что наступления ночи вовсе не чувствовалось, и вереница слуг, желавших первыми увидеть столь долго ожидаемую особу, протянулась чуть не до Невы.

Некоторые слуги подозрительно косились на уединенно стоявшую карету и делали даже попытки заглянуть в окна, однако они были плотно зашторены, а кучер, дремавший на козлах, не вступал ни в какие разговоры и не отвечал даже на оскорбления.

В конце концов таинственную карету оставили в покое, сочтя пустой, а кучера – глухим и немым.

Но вот раздался вопль:

– Едут! – и вокруг дома все оживилось. Грянул оркестр, доселе таившийся на балконе, из окон посыпались цветы, раздался треск фейерверков, и в небо над домом взвились разноцветные огненные струи, сложившиеся в отчетливую надпись: *Julie*.

Надпись рассыпалась сотнями звезд, а после нового залпа сложилась опять – как раз в ту минуту, когда к дому подъехала белая карета, запряженная белыми же лошадьми.

Несколько слуг протянули к подножке алую шелковую дорожку, которая была усыпана лепестками белых роз. Литта сам подошел к дверце и сам распахнул ее, приняв на руки черноволосую девушку в белом платье и белом плаще.

Девушка обвила его шею руками и принялась лобызать столь пылко, что едва не была уронена наземь. Впрочем, она тут же соскочила с рук Литты и вскричала:

– Дедушка! Я счастлива видеть вас! А где же бабушка?

– Идем, сердце мое, идем! Мы заждались тебя! – чуть не плача от умиления, проговорил Литта и повел девушку к дому.

На террасе гостя обернулась, вновь и вновь оглядывая роскошь и красоту устроенной для нее встречи, и лицо ее сделалось отчетливо видно тому, кто все это время таился в глубине загадочной кареты, а теперь раздвинул шторы и припал к окну.

Почти тотчас раздался условный стук в переднюю стенку кареты, который дал кучеру знать, что ожидание закончилось, пора уезжать.

Карета тронулась, сворачивая с парадных улиц и направляясь к Островам. Спустя некоторое время она остановилась около Елагина дворца.

Женщина в длинном черном плаще с капюшоном выпорхнула из кареты и, почти неразличимая в сумерках, вошла во дворец, причем стража почтительно вытянулась при ее появлении.

Поднявшись на второй этаж, женщина без стука отворила дверь в уютный кабинет и, взглянув на нетерпеливо обращенное к ней лицо хозяйки этого кабинета, воскликнула без всякого предисловия:

– Она великолепна!

Близ Графской Славянки под Санкт-Петербургом, 1827 год

Утро началось туманом, но вот подул ветер и разнес его клочьями, а вскоре он и совсем растаял. Солнце ярко засверкало на влажной листве, и белые рубашки дуэлянтов показались ослепительными в сочетании с темной зеленью ельника, на опушке которого они встретились, чтобы кровью выпорить друг у друга право единолично владеть предметом своей страсти.

Этот предмет, это, с позволения сказать, яблоко раздора находилось в экипаже, который стоял несколько поодаль, и уныло вздыхало, терзаясь неизвестностью своей участи.

Причем яблоко само не могло понять, которому из двух противников желает оно победы, а которому – поражения.

Сей персоне вспомнились около полусотни заемных писем¹, которые были ею получены в разное время как милые любовные сувениры от одного из дуэлянтов. Сумма их равнялась восьмистам тысячам рублей и могла составить целое состояние. Однако выплата этой суммы, возможно, будет оспорена, пади щедрый и безудержный в своей любви заимодавец жертвою дуэли. Поэтому, конечно, персона не могла не желать победы и долгой жизни автору заемных писем.

С другой стороны, расставаться с противником заимодавца ей тоже не хотелось. Штука в том, что персона сия была весьма порочного нрава... И ежели продолжать называть ее яблоком раздора, то можно сказать, что яблоко сие было с изрядной червоточинкой. Один лишь только раз, по чистой случайности, под сильнейшим влиянием искусителя Бахуса, отдавшись сему господину, яблоко возымело сильнейшее желание быть им откусываемым снова и снова. Такого плотского восторга персона ни разу и ни с кем не испытывала, поэтому приятные ощущения, даримые ей объятиями заимодавца, казались теперь весьма пресными.

Итак, с одной стороны, восхитительная страсть...

С другой – огромные деньги...

Яблоко раздора так и металось (или правильной будет сказать – каталось?) по экипажу, не зная, за чью победу возносить молитвы, а между тем звон сабель на опушке рощи не утихал. Дуэль продолжалась!

Чудилось, противники не испытывают ни малейшей усталости. Внешне они были равны друг другу – оба высокие, стройные, сильные, молодые и удивительно красивые. Правда, у одного волосы были светлые, а глаза голубые, другой же обладал волосами и глазами удивительно яркого черного цвета.

Кроме того, между ними была еще одна разница... Весьма, скажем прямо, существенная, и состояла она в том, что блондин был мужчина, а брюнет – женщина.

То есть, выходит, она была брюнетка.

Ну а еще объединяло их то, что они были мужем и женой.

¹ **Заемное письмо** – так в России в описываемое время называли векселя, то есть письменные обязательства, даваемые заимодавцем, об уплате той или иной суммы предъявителю этой бумаги.

Елагин дворец в Санкт-Петербурге, 1818 год

– Милое дитя, – ласково сказала Мария Федоровна, – я хочу сделать вам один прелестный подарок.

Милой дитятею была названа некая дама в сером платье и сером кружевном чепце, очень своей невзрачностью напоминавшая запечную мышь. Лицо ее было в красных нервических пятнах, оттого она всегда держала голову опущенной, стараясь этой позой и оборками чепца по мере возможности скрыть свой неприятный недуг. Однако сейчас она голову вскинула и недоверчиво воззрилась на вдовствующую императрицу.

Не одна она была поражена! В кабинете государыни Марии Федоровны сделалось всеобщее остолебенение, как если бы все присутствующие были поражены одинаковой с небезызвестной женой Лота карюю.

Руки фрейлины, наигрывающей на маленьком прелестном фортепьяно розового дерева, зависли над клавишами, а другая фрейлина, напевавшая неизбежного «Милого Августина», столь любимого Марией Федоровной, онемела.

Картежники, со скуки пачкавшие зеленое сукно ломберного столика, выронили мелки.

И только две дамы некоторое время продолжали свой спор около незаконченной вышивки.

– Судите сами, графиня, мыслим ли здесь цвет «Аврора»? Я не вижу другого оттенка, кроме «Бедр испуганной нимфы»! – горячилась одна.

– Не того ли самого, княжна, который наши храбрые солдатики зовут «Ляжкой испуганной Машки»? – задорно возражала другая.

Голоса их во всеобщей тишине прозвучали с неуместной громкостью.

Осознав это, дамы испуганно зажали рты руками и более не осмеливались нарушить тишину.

Ошарашенное молчание окружающих было вызвано эпитетом «милое дитя», адресованном вдовствующей императрицею особе, которую она вот уже почти двадцать лет всячески третирована, унижала и презирала: тайно – постоянно, публично – при всяком удобном случае. Несчастливая особа сия приходилась вдовствующей императрице снохой, поскольку была венчанной супругой императора Александра Павловича, и звалась государыней Елизаветой Алексеевной.

Эта неприязнь зародилась давным-давно, еще когда жива была великая императрица Екатерина Алексеевна, которая с материнской лаской и нежностью относилась к молоденькой жене своего любимого внука Александра. Мария Федоровна завидовала этому отношению так же сильно, как и редкостной красоте своей снохи. А потому всегда старалась поставить ее «на место», всячески поощряя демонстративную холодность императора по отношению к жене.

Как правило, Мария Федоровна смотрела на сноху со скукой либо с издевкой, однако сейчас не сводила с нее столь приторно-ласкового взгляда, что, оказись на месте Елизаветы Алексеевны доверчивая муха, она непременно увязла бы в этой ласковости или даже утонула бы в ней, словно в патоке.

Однако Елизавета Алексеевна за долгие годы совместного сосуществования привыкла к тому, что свекровь ее терпеть не может, всячески норовит уязвить и ранить, горазда на выдумки всевозможных пакостей, внешне вроде бы безобидных, но на самом деле глубоко болезненных для чувствительной души, – а потому не поддавалась на манящую ласку ее взгляда, а только пуще насторожилась.

– Добрый друг нашего покойного супруга, императора Павла Петровича, Юлий Помпеевич Литта, обратился ко мне с нижайшей просьбой зачислить в мой фрейлинский штат свою внучку, маленькую Скавронскую. Однако боюсь, что пятнадцатилетней девице при моем ста-

рушечьем дворе будет скучно и томно. Оттого я и решила отправить сие прелестное создание в штат императрицы, где она станет еще одним бриллиантом в вашей, милое дитя, короне!

Даже если бы собравшиеся не лишились дара речи раньше, они непременно онемели бы теперь, причем надолго.

Маленькая Скавронская! Ничего себе! Да ведь эта особа может зваться Скавронской только по бабушке своей, Екатерине Васильевне, ныне супруге графа Литты, а фамилия отца ее – Пален! На самом деле ее зовут Юлия Пален!

И девицу Пален берут в штат императрицы?!

По протекции Марии Федоровны?!

С ума можно сойти!

Ведь «сие прелестное создание» – не только внучка Литты, бывшего любимца покойного государя Павла Петровича и командора Мальтийского ордена, неусыпными стараниями коего вся Россия едва ли не была приведена под знамена этого ордена, а значит, обращена в католичество и, очень может быть, отдана во власть иезуитов. И вообще, внучка Литты она лишь постольку, поскольку ведь Литта – отчим ее матери! А вот по крови – она внучка и Петра Алексеевича Палена! Того самого Палена, который остановил маразматические замыслы несколько спятившего государя и прибавил к его имени неоспоримое определение – покойный...

В 1801-м именно военный губернатор Санкт-Петербурга Петр Алексеевич Пален стал душой и основателем заговора против императора Павла Первого, именно он спас цесаревича Александра от почти решенного заключения в крепость, а также избавил Россию от нового наследника престола – Евгения Вюртембергского!

Правда, его героическое деяние во имя спасения страны, которая стала этому остзейскому дворянину истинной родиной, не было оценено по достоинству. Император Александр не смог простить Палену, что тот побудил его одобрить убийство отца, а главное – что видел его в состоянии самого позорного малодушия. После переворота именно окрик Палена: «Идите царствовать, государь!» – побудил дрожащего от ужаса цесаревича сделать первый нетвердый шаг к трону.

Мария же Федоровна ненавидела Палена за то, что по его вине она получила титул вдовствующей императрицы...

Те, кому довелось наблюдать императорское семейство в приснопамятную ночь 11 марта 1801 года, не могли забыть горестных причитаний Марии Федоровны по убитому мужу, которые, впрочем, перемежались мечтательными, словно в забытии брошенными репликами: «Ich will regieren!»²

То есть она не прочь была бы сделаться императрицей даже ценой потери «милого Паульхена», как она называла мужа. Однако акт отречения был составлен на имя Александра, а не на ее имя! Именно этого Мария Федоровна не могла простить заговорщикам и делала все, чтобы устранить людей, которые свергли прежнего императора. Она постоянно играла на струнах неутраченного чувства вины, которое глубоко жило в душе Александра, и настраивала его на жестокость и несправедливость по отношению к людям, изменившим государственный строй России.

Петр Алексеевич Пален через три недели после переворота был уволен от службы в отставку с приказанием немедленно выехать в свое курляндское имение Гросс-Экау. Там он и проживал поныне. По слухам, ежегодно 11 марта он напивался допьяна и крепко спал до следующего утра – годовщины начала нового царствования, в жертву которому он принес свою столь счастливо складывающуюся судьбу.

И вот... Внучка Палена – при дворе! Внучка Палена – фрейлина!

Нет, в это просто невозможно поверить!

² Я хочу царствовать! (нем.)

Однако, видимо, поверить все же придется, потому что, пока все собравшиеся худо-бедно приходили в себя, вдовствующая императрица подала знак, дверь открылась – и статс-дама Елена Павловна Бибикова ввела за руку высокую девушку лет восемнадцати, при виде которой раздалось хоровое «ах!» – а потом сделалась очередная немая сцена.

Близ Графской Славянки под Санкт-Петербургом, 1827 год

– Вы дура безумная, сударыня! – вскричал граф Николай Александрович, отражая каскад ударов, обрушиваемых на него, чудилось, со всех сторон. – Если останусь жив, так и стану звать вас впредь – безумная Юлия!

Его противница ничего не ответила. Ну что ж, она, может, и была безумна, зато не тратила время и дыхание на пустые реплики, отвлекающие внимание. Сильная, сосредоточенная, безостановочно двигающаяся, владеющая такими хитрыми финтами, о которых не всякий бретёр имеет понятие, она, с облаком черных кудрей, реющих вокруг мраморно-белого лица, и мрачно сверкающими черными глазами, казалась истинным воплощением погибели, которая вдруг свалилась на голову бедного графа Николая Самойлова.

Он и раньше знал, что жена его поистине неутомима. За что ни возьмется – устали и удержу знать не будет!

На балах вертиж делался и ноги заплетались у самых завязятых танцоров, а графиня Юлия Павловна знай меняла бальные туфельки (на всякий бал брала не меньше пяти пар) – и снова кружилась в вихре вальса или любого другого танца.

На прогулках могла отшагать десять верст без отдыха, оставив позади измученных попутчиков.

Без устали носилась на коньках по замерзшей Неве, пока лед под ней не начинал просто-таки дымиться.

Коли затевались катания с гор, выбирала самую крутую, высокую и ухабистую и скатывалась по ней снова и снова, покуда не разваливались салазки.

Подобно ямщику с дубленой задницей, готова была сидеть на козлах или облучке и править легким экипажем либо санями с утра и до вечера, что зимой, что летом.

Одной из первых переняв новую моду: не нюхать табак, а курить его, – завела себе набор трубок и дымила с таким пылом, что в комнатах топор вешать можно было, а свежего человека табачный дух в беспамятство повергал.

Что и говорить, здоровьем и силою графиня Самойлова напоминала тех былинных поляниц, девок-богатырок, которые никогда не упускали случая руку правую потешить, сражаясь с кем ни попадя и поражая даже мужчин своей удалью.

Но истинной страстью Юлии Павловны была верховая езда... как в буквальном смысле, так и в переносном.

Два дня подряд на одном жеребце либо кобыле никогда не выезжала – настолько утомляла скакунов своей привычкой нестись не разбирая дороги, пока пена на удилах ключьями виснуть не начинала. И, бывало, сходясь с Юлей в супружеской постели, Николай Александрович сомневался, что доживет до утра, столько раз требовала от него молодая жена доказывать его к ней любовь и страсть.

Ну, пяти-шести совокуплений за ночь могло бы хватить и вакханке, а графиня Самойлова была всего лишь женщиной! И все же ей, бессонной и неутомимой Юлии, этого было мало... Иногда ее начинала обуревать неудержимая похоть среди бела дня, и тогда она самым натуральным образом швыряла супруга на первое попавшееся ложе, роль которого могло сыграть и кресло, и стул, и вообще покрытый ковром паркет (но применялся в дело, случалось, и непокрытый)...

Нет слов, Николай Александрович не за просто так заслужил прозвище русского Алкивиада! Подобно этому древнему полководцу, он был красив, отважен и редкостно беспутен. Сложением отличался богатырским, а уд его был из тех, какими мужчины, хвалясь, заборы

валят! Когда же господам кавалергардам взбрело померить свою мужскую оснастку на саблях, граф Самойлов прочих всегда опережал, занимая чуть ли не четверть клинка³.

А коли хаживал к девкам, так иные дуры порой чуть ли не с визгом разбегались, пугаясь размера его взведенного курка! Правда, потом оставались весьма довольны и даже говорили, что такому кавалеру готовы услужать бесплатно, только бы изведывать от него несказанное наслаждение.

Отчасти именно из-за сих размеров Николай Александрович и в корпусе, и потом, на службе, оставался далек от мальчишеских пакостей, которыми тешились многие его сотоварищи – за неимением поблизости особ женского пола. В самом деле, непросто было бы найти охотника, готового подвергнуть свой афедрон⁴ таким тяжким испытаниям и потом долго еще враскоряку хаживать! Да и женские прелести влекли его куда сильнее, чем мужские, оттого и тасовал Николай Александрович любовниц, будто карточную колоду.

Однако с тех пор, как граф Самойлов взял в жены Юлию Пален, он был озабочен только одним: хватило бы сил на нее! И ради того, чтобы она иступленно, не стыдясь того, что весь дом, вся дворня и вообще вся Графская Славянка может слышать, орала во всю глотку от плотского восторга, муж ей даже не изменял!

Э-э... то есть почти.

Почти не изменял.

Один только раз бес попутал, искусил бесстыдно, да и, главное дело, чем?! Именно тем, к чему Самойлов относился совершенно как к пустяшной забаве и что втихомолку презирал! Кто бы мог подумать... Как же слеп он был, что не видел творившегося под самым носом?! Как же он мог проглядеть, что его мимолетный любовник окажется постоянным любовником его жены?!

Распутница! Самая настоящая распутница, вот она кто! Изменница, осквернившая супружеское ложе и наградившая мужа рогами! Мало ей оказалось чуть ли не пятивершкового⁵ Самойловского уда – понадобился еще какой-то незначительный крючок, коим обладал молодой управляющий Графской Славянки Александр Мишковский!

Впрочем, его гораздо чаще называли просто Сашка, потому что роскошное имя Александр ему никак не подходило.

Этот Сашка Мишковский, молодой и веселый, с его редкостно смазливой физиономией и нежной родинкой на правой щеке, возле румяного рта, и был тем самым владельцем мимолетно использованного афедрона...

Ревность Юлии, заставшей обоих мужчин без штанов, оказалась *такой*, что мавр Отелло, оказавшись он свидетелем сцены, устроенной ею супругу и любовнику, стыдливо отбежал бы в сторонку и там всплакнул бы от зависти, утирая слезы знаменитым платочком с вышитыми на нем цветами земляники!

Закатив для начала по несколько пощечин «содомским мужеложцам» – это был, поверьте, самый цензурный из всех эпитетов, которыми Юлия Павловна наградила злополучных греховодников, она немедленно вызвала мужа на дуэль, пригрозив, что, коли он откажется, о его позорном развлечении будет немедля поведано графине Екатерине Сергеевне, матери Николая Александровича и единственной особе, которой он боялся до дрожи. Графиня Екатерина Сергеевна мужеложцев ненавидела до такой степени, что, узнай она о грехопадении сына, непременно лишила бы его наследства – такие клятвы она давала не единожды, когда до нее доходили слухи о тех или иных светских андрофильских романах⁶.

³ Длина клинка кавалергардского палаша составляла 80 см.

⁴ Зад; отхожее место (*греч.*).

⁵ В вершке 4,4 см.

⁶ **Андрофилия** – любовь мужчин, мужеложство.

Пришлось графу согласиться на дуэль. И вот теперь жизнь и честь его, Николая Самойлова, зависят от этой фурии, которая мечется вокруг, сверкая клинком и глазами, полными самой жаркой ненависти!

Сговорились драться без секундантов – до первого честного кровопролития. Но ведь, чего доброго, разъяренная Юлия вполне может убить его! – не раз и не два такая мысль посещала голову разгоряченного Николая Александровича... Или ему самому надоест обороняться, разозлится он как следует – да и оставит шрам на прекрасном, воистину прекрасном лице, глядеть на которое никто не мог равнодушно, такой страстной жизни оно было полно, таким совершенством черт наделено было. А если, не дай Бог, нечаянно чиркнет по плечу, которое, будучи открыто низко вырезанным декольте, выглядит прельстительнее всех вместе взятых женских плеч? А если, Господи избавь, нанесет урон восхитительной груди, столь же тугой и столь же нежной, как спелая гроздь муската, все ягодки в которой лежат, тесно прижавшись друг к другу, источая восхитительный аромат?..

В голове Николая Александровича помутилось от прекрасных воспоминаний. В ту же минуту нога его скользнула на сырой траве, подогнулась, он попытался поймать равновесие, но не смог, завалился назад, неловко взмахнув саблей... И вдруг почувствовал, как что-то больно вспороло кожу на левой руке, ближе к плечу.

Что-то! Что же другое, как не острие клинка Юлии, которая в стремительном броске-флеше подскочила с вытянутой вперед саблей?!

Каким-то чудом граф удержался на ногах и даже сумел отвести следующий укол, но снова поскользнулся – и грянулся навзничь.

Юлия вмиг оказалась рядом, носком сапога вышибла из руки мужа саблю и приставила свой клинок к его горлу:

– Сдавайтесь, или я вас убью!

– Дура! – не выдержал Николай Александрович и заорал так, что невольно подался всем телом вперед, к опасному острию. – Дура бешеная! Развод немедля! Вон из моего дома!

– На развод согласна, – ровным голосом, словно за полчаса скачки на полусогнутых ногах и махания тяжеленным палашом она ничуть не запыхалась, ответила жена. – А дом это мой! И управляющий – мой! Что хочу – то с ним и сделаю!

После сей парфянской стрелы Юлия развернулась на каблуках и быстро пошла в сторону опушки леса, где стоял экипаж. Из окошка высовывалась встревоженная физиономия с прелестной родинкой на щечке: Сашка Мишковский зело переживал за исход своей участи.

Николай Александрович снова вспомнил девок-богатырок, которые мужей себе в чистом поле, в честном поединке добывали. Графиня же Самойлова в таком поединке добыла себе любовника!

И, с отвращением сплюнув, он отвернулся, чтобы не видеть, как его жена начнет милиться со своим боевым трофеем.

А зря, между прочим, отвернулся, ибо сцена около экипажа произошла не совсем ожидавшая.

Завидев приближающуюся Фурию Пав... то есть, пардон, Юлию, – конечно, Юлию Павловну! – Мишковский выскочил из экипажа – и, подобно графу, поскользнулся на сырой траве. Смешно перебирая ногами, чтобы не упасть, он имел вид человека, который сам не знает, остаться ли ему на месте или бежать прочь. На самом деле так оно и было, ибо он до сих пор так и не решил, кому – любовнику или любовнице – отдать навеки свое ветреное сердце и распутные чресла.

Графиня Юлия, впрочем, не оставила ему времени на раздумья. Схватив перепуганного юношу одной рукой за грудки, она устремила в его голубенькие глазки столь пронзительный взор своих жгучих черных очей, что прожгла его мозг, чудилось, насквозь. Потом чуть приоткрыла алые губы, и Мишковский догадался, что сейчас последует страстный поцелуй, какими

графиня умела начисто вышибать из головы мужчины всякое соображение и наполнять похотью его естество.

Но догадка Сашки Мишковского оказалась правильной лишь на треть. Соображение из его головы Юлия вышибла, что да, то да, но не поцелуем, а оглушительной пощечиной. Наполнять же похотью его естество она, видимо, предоставила кому угодно другому, поскольку, рывкнув:

– Пошел вон, и чтоб я тебя больше никогда не видела! – отшвырнула неверного любовника в сторону с такой силой, что он пролетел добрую сажень, прежде чем приземлился.

И, даже не глянув, не убился ли презренный Сашка при падении, графиня вскочила на козлы и свистнула разбойничьим посвистом, так что перепуганная упряжка взяла с места бойкой рысью и понеслась, не разбирая дороги.

Санкт-Петербург, 1818 год

Маленькая Скавронская?! Ничего себе – маленькая...

На самом деле новой фрейлине едва исполнилось пятнадцать, а вовсе не восемнадцать, но она была такой высокой и обладала такими формами, что рядом с нею маленькая и худенькая императрица Елизавета Алексеевна казалась девочкой – разумеется, лишь издали, пока невозможно было разглядеть ее печальное лицо, которое, в сравнении с розами и лилиями на лице Юлии Пален, казалось давно увядшим невзрачным цветочком.

Справедливости ради следует, впрочем, сказать, что схожие ощущения относительно своей внешности испытывали все дамы, которые находились рядом с Юлией, и все мужчины, которые в эту минуту смотрели на них. Потом кое у кого возникала мысль, что по сравнению с этой невероятной особой не только женщины блекнут, но и большинство мужчин кажутся какими-то невзрачными недомерками, недостойными даже близко к ней подходить.

Собственно, они и не подходили! Рядом с красавицей фрейлиной всегда образовывалась некая пустота: Юлии Пален откровенно сторонились как императрица, так и придворные, не желавшие блекнуть в сиянии этого ослепительного создания.

Один человек явился исключением из общей массы – ну что ж, ему быть исключением полагалось, так сказать, по званию: ведь это был не кто иной, как император Александр.

Он любил женщин и знал в них толк с тех самых пор, как заботливая бабушка, императрица Екатерина Алексеевна, велела своей фрейлине Катеньке Торсуковой (урожденной Перекусихиной, племяннице Марьи Саввишны Перекусихиной – камер-фрау и близкой подруги императрицы) просто, понятно и приятно разъяснить молоденькому великому князю, зачем Господь сотворил у мужчин и женщин столь разное – и в то же время столь одно к другому подходящее естество.

Может быть, окажись его жена, великая княгиня Елизавета Алексеевна, не столь молодой, невинной и не мечтай прежде всего о возвышенной любви, а не об удовлетворении грубой плотской страсти, Александр хотя бы попытался хранить ей верность. Но увы, чувственность ее спала слишком долго и слишком крепким сном, чтобы нетерпеливый муж, привыкший к распахнутым воротам всех крепостей, к которым он приступал, тратил время на осаду собственной жены. К тому же обворожительная Мария Четвертинская, вместе со своей сестрой Жаннеттой привезенная из Польши, где был убит их отец, верный великой России, а не своей родине, оказалась слишком прекрасна, приманчива и доступна, чтобы император мог задумываться о своей застенчивой белокурой жене.

Александра, бледного блондина с голубыми глазами, всегда влекло к жгучей, яркой, вызывающей красоте. Черноокие брюнетки с лилейными лицами доводили его до исступления, а Мария Четвертинская была прекраснейшей из них. Выданная для приличия за князя Дмитрия Львовича Нарышкина, терпимейшего из всех Амфитрионов, она была его женой лишь на словах. Истинным мужем ее был император.

Нет, ну конечно, Александр ей изменял – слишком много соблазнов встречалось на жизненном пути красавца государя! – но все же неизменно возвращался к своей прекрасной полячке. На беду, и она ему изменяла, и в конце концов император начал даже сомневаться в том, истинно ли его те трое детей, о которых Мария Антоновна уверяла, что они – его. Он частенько говорил, что с детьми ему не везет. Обеих дочерей, признанных им как великих княжон, Елизавета Алексеевна родила не от него, а от тех мужчин, в чьи объятия ее толкнула холодность мужа. И дети Марии Антоновны невесть чьи... Неужели даже Софья, прелестная самая любимая девочка, – тоже чужая?..

Наконец Александр понял, что больше не может закрывать глаза на измены любовницы. Нарышкина уехала за границу с новым кавалером, князем Гагариным, а он напропалую уте-

шался с многочисленными красавицами, всегда готовыми распахнуть объятия первому кавалеру Российской империи.

Прошло несколько лет. И вот вдруг императору доложили, что Мария Нарышкина возвращается в Россию, чтобы устроить брак своей (и неизвестно, чьей еще!) старшей дочери с молодым графом Гурьевым. И расхожая истина о том, что первая любовь не забывается, вновь явилась перед императором во всей своей красе – и неприглядности.

Давно Александр так ничего не боялся, как неотвратимости взглянуть в это роковое для него лицо! Время было словно бы не властно над Марией Антоновной, она и в зрелости оставалась прекрасна, как в юности, а может быть, даже более прекрасна, потому что годы придали очаровательную утонченность ее облику. Император не хотел, не хотел видеть ее, чтобы не попасть в прежнее рабство, но избежать встречи вряд ли удалось бы.

Смешно... Нет, в самом деле он не мог без смеха наблюдать в зеркале свою озабоченную физиономию. Кой черт государственные дела! Он, как мальчуган какого-нибудь там Бабая, боялся встречи с женщиной! Ему нужен был какой-нибудь щит...

И вот вдруг случилось желанное! Он явился навестить матушку, чтобы немного отвлечься, а застал там переполох. На явление императора даже особенного внимания не было обращено: все это внимание приковывала к себе черноокая брюнетка с такой грудью, подобной которой Александру, знатоку и любителю, видеть прежде не приходилось.

И не только грудь! Все в этой особе было совершенно – и при этом самую чуточку чересчур. Слишком белая кожа, слишком яркие глаза, слишком горделивая осанка, слишком роскошные плечи, слишком густые волосы, слишком высокий рост... И Александр, в котором было два с половиной аршина и полвершка⁷, чуть ли не впервые в жизни испытал удовольствие поглядеть женщине прямо в лицо.

Обычно он принужден был склонять голову, чтобы лучше расслышать, что ему говорят: еще в юности несколько оглох на артиллерийских маневрах, которые то и дело устраивал папенька. Собственно, дамам это даже нравилось, поскольку вносило некий оттенок интимности в разговор с его величеством. Но это ничуть не нравилось самому Александру, ибо он довольно рано начал лысеть, вернее – плешиветь и, склоняя голову, невольно делал свою плешь объектом пристального дамского внимания. Это не могло не раздражать, несмотря на то что особо страстные льстецы уже вводили плешь, обрамленную бакенбардами, в моду. К тому же от этих постоянных склонений головы неминуемо образовывался второй подбородок!

И вот женщина почти одного с ним роста... и какая красавица! Она была даже ярче, чем Мария Антоновна в лучшие свои годы, она была поистине ослепительна, и смотрела в глаза императора не с подострастием или покорностью, а открыто, даже с вызовом, как женщина смотрит на мужчину, если хочет его завлечь.

Император чуть заметно улыбнулся:

– И кто же эта молодая особа? Почему я ее не знаю?

– Это маленькая Скавронская, внучка нашего дорогого Литты, – сказала императрица, благоразумно позабыв упомянуть подлинную фамилию «особы». – Внучка нашего верного друга...

– ...который всегда готов служить вашему величеству и меня научил быть всегда готовой к услугам, – звучно, без тени застенчивости произнесла «маленькая Скавронская», и общее «Ах!» непременно раздалось бы в комнате, когда бы не было благоразумно подавлено и проглочено вышколенными придворными.

Ахать, конечно, было с чего... Эта девица фактически сообщила императору, что готова ему принадлежать по первому его слову, и это заранее благословлено верноподданным Литтой!

⁷ Аршин – примерно 71 см, вершок – около 4,4 см; рост Александра Первого колебался между 179 и 180 см.

Почти все присутствующие потупились – кто от стыда, кто в гневе. Смотрели в глаза друг другу только император и новая фрейлина. Ну и еще вдовствующая императрица Мария Федоровна обменялась стремительными взглядами со своей ближайшей подругой – Еленой Павловной Бибиковой. В этих взглядах сквозило нескрываемое довольство озорниц, которые были в восторге от своей проделки.

Да и было от чего приходиться в восторг! Ведь Мария Федоровна уже давно знала о предполагаемом приезде Нарышкиной в Петербург и, помня, как страдал Александр по вине этой особы, больше всего на свете хотела оградить его от возвращения в прежние любовные тенета. Она прекрасно понимала, что только новая любовная история спасет сына, а потому уже некоторое время подыскивала ему фаворитку. Слухи о баснословной красоте «маленькой Скавронской», которая вот-вот должна была прибыть в Петербург, дошли до нее, и тогда заботливая мать послала статс-даму Бибикову проверить достоверность этих слухов. Именно Бибикова находилась в таинственной карете в вечер приезда Юлии, именно она дала о юной красавице столь благоприятный отзыв. Следующим шагом было предложить Литте отправить внучку во фрейлинский штат императрицы.

Лукавый царедворец мигом понял все замыслы Марии Федоровны – и воспринял их так, как подобает верному подданному: с покорностью и восторгом.

Новая связь императора была таким образом благословлена, а если императрица Елизавета Алексеевна имела что-нибудь против, то ее мнения никто и не спрашивал.

Близ Графской Славянки под Санкт-Петербургом, 1827 год

Экипаж графини Самойловой несся с такой скоростью, что место дуэли осталось в пяти верстах за каких-то четверть часа. Имение было уже совсем рядом, и Юлия начала немного приходить в себя.

Ей и в голову никогда не взбрело стыдиться каких-то своих поступков, тем паче – перед крепостной дворней, а все же хотелось появиться перед людьми спокойной и величавой, чтобы с должным достоинством, без истерического визга (на который, Юлия это чувствовала, она вполне могла сорваться!) сообщить им, что они отныне должны слушать только ее распоряжений. Мишковский отставлен от должности управляющего, граф Самойлов – от должности супруга, а поместье Графская Славянка, которое, как часть ее великолепного приданого, было когда-то передано ее мужу, вновь стало собственностью Юлии Павловны Самойловой.

Она не сомневалась, что при разводе сумеет добиться от мужа возврата приданого. Но теперь, когда прохладный ветер и быстрая езда несколько охладили голову и привели в порядок взбаламученные мысли, не это заботило Юлию. Какой выставить предлог для развода – вот о чем думала она!

Предлог для развода...

Разрешение для православных на развод должен дать Святейший Синод. Но для него уважительны только пять причин расторжения семейных уз: доказанное прелюбодеяние, двоеженство или двоемужие, некая добрая болезнь, которая препятствует супружеским отношениям, безвестное отсутствие супруга более пяти лет, осуждение за тяжкое преступление со ссылкой или лишением прав, а также монашество – но только если в семье нет малолетних детей.

Четыре последние причины для Самойловых совершенно не годились – подходила им только первая. Именно по этой причине получила в свое время развод и мать Юлии, бывшая генеральша Мария Пален. Она уехала от мужа почти сразу после рождения дочери – и немедля вступила в открытую связь с генералом Ожаровским. Разумеется, Пален потребовал развода! Вскоре Мария вышла за своего Ожаровского, тот подал в отставку и увез ее в Париж. Там она, по слухам, обучалась музыке и пению, совершенно не поддерживая связи ни с бывшим мужем, ни с дочерью, ни с матерью, ни с отчимом.

Юлия очень плохо помнила мать... Но, говорили, она на бывшую госпожу Пален вовсе не похожа – ни внешностью, ни характером. Однако получилось, что похожа. Пошла именно материнским путем.

Однако у Марии Пален все вышло очень просто: ее связь с Ожаровским довольно долго была притчей во языцех, все знали, что прелюбодеяние налицо. А у Юлии обстоятельства куда сложнее...

Ведь никто графа Николая с его любовником не видел – кроме самой Юлии. Ее с Мишковским тоже никто не наблюдал, даже супруг. Все бы осталось меж нею и этим нежным красавчиком шито-крыто, не выйди она таким ужасным образом из себя и не открой в запале ревности Николаю то, что прежде от него тщательно утаивалось. То есть «доказанное прелюбодеяние» не подходит так же, как все прочие причины для развода.

Масса семей в свете оказывалась в схожих обстоятельствах (и разрешения Синод не даст, и существовать далее вместе немислимо), а потому люди просто разъезжались и жили отдельно... Иногда даже заводя незаконных жен или мужей.

Однако Юлии это не подходило. Она хотела полной свободы! Полной свободы от графа Самойлова! Она даже от его фамилии хотела бы избавиться.

Собственно, повод для того, чтобы кинуться в ноги императору и просить его ходатайствовать перед Святейшим Синодом о разводе, у Юлии имелся: мужеложство супруга. Про подлинного Алкивиада античные историки говорили, что он в юности отнимал у жен мужей, а когда вырос – у мужей жен, но Алкивиад Самойлов решил историю переиначить!

Если государь Николай Павлович, который ненавидел содомитов, проведает о позорище своего флигель-адъютанта... Гнев его будет ужасен. Он ведь наверняка еще не забыл, что граф Самойлов был связан узами суровой (а может быть, и не столь уж суровой!) мужской дружбы с участниками небезызвестного Северного общества, впоследствии прозванными декабристами... Правда, 14 декабря на Сенатскую площадь Самойлов не явился – к счастью своему. Досушие языки чего только ни говорили о причинах его отсутствия в момент исторического комплота! Причина выдвигалась, впрочем, весьма тривиальная: попойка.

То, что заговорщик спьяну не явился на историческое событие, молодого императора очень развеселило, а потому Самойлов был только временно отставлен от должности – но вскоре на нее возвращен. Юлия совершенно точно знала, что ее муж вновь назначен флигель-адъютантом именно благодаря ее несравненной красоте. Все-таки император Николай Павлович, который учился копировать величавую осанку старшего брата, подражал ему не только в этом, а потому он и не остался равнодушен к мольбам красавицы графини пощадить супруга.

Юлию невольно дрожь пробрала, стоило ей вспомнить, как безумно ей не хотелось числиться женой государственного преступника! От этого позорного звания никакая красота не спасет. Она умоляла, она валялась в ногах императора, рыдала... Каждую минуту, сказать по правде, ожидая, что его величество, подобно старшему брату, захочет тоже хлебнуть пьянящего вина из бокала по имени Юлия...

Однако государь всегда отлично знал, когда можно позволять себе опасные приключения, а когда – нет. В конце декабря 1825 года, когда разворачивалось следствие по делу заговора, шашни с женами подозреваемых были, конечно, неуместны. Поэтому считалось, что графиня Юлия просто-напросто воззвала к милосердию императора – и милосердие сие было ей даровано.

Однако всем было известно, что такие грехи, как злоумышление против царствующего дома, никогда не могут быть прощены главой этого самого дома. И при малейшем прегрешении – неважно, политическом или каком другом! – карательные меры против графа Самойлова будут спущены с поводка.

Вымолив у императора жизнь и свободу для супруга, Юлия надолго дала ему отставку и даже в Графскую Славянку приехать не позволяла. Ходили слухи, что граф утешается напропалую где ни попадая, но это Юлию совершенно не волновало, потому что уже тогда в ее жизни – и постели – появился лукавоглазый и красивенький Мишковский, рекомендованный, между прочим, на должность управляющего самим Юлием Помпеевичем Литтой.

Потом супруги вняли-таки неустанным увещеваниям родни (граф – материнским, Юлия – дедовским) и решили помириться. Все друзья были искренне рады, что эта прекрасная пара будет вновь радовать их своим видом, ибо они рядом смотрелись как картинка. Пушкин даже поздравление графу прислал!

Однако недолго счастье длилось. И все, хватит, довольно с Юлии супружеских страстей!

Да... если она все же нажалуется императору, гнев его будет посильней, чем гнев Екатерины Сергеевны, матери графа! Она может лишит сына наследства и материнского благословения, император же отправит его в постыдную отставку, не скрывая причин своего охлаждения.

Граф Николай Самойлов будет публично опозорен – и таким образом Юлия, которой он изменил так гнусно, получит желанную свободу.

Все просто...

Нет, все совсем не так просто!

О, конечно, Юлии всегда было наплевать на мнение света. Она с гордостью носила звание императорской фаворитки, пусть и отставной... в конце концов быть рано или поздно отставленными – участь всех фавориток! Она без тени смущения венчалась с графом Самойловым, надев белое платье и фату – приметы невинности, хотя только ленивый не закатывал по этому поводу глаза и не делал многозначительных намеков. Гордыня у нее была непомерная! И каждый взгляд Юлии в зеркало способствовал тому, что гордыня эта расцветала все более пышным цветом.

И вот теперь она – прекрасная, ослепительная, самая красивая из всех! – окажется в положении жены, отвергнутой мужем ради... ради мужчины?!

На самом деле это совершенно не так, но выглядит-то в глазах общества именно так!

То есть супруг счел, что афедрон какого-то там Мишковского приманчивей, чем сладчайшее лоно божественной Юлии?! Что скажут люди?! Выходит, и лоно не столь сладчайшее, и Юлия не столь божественна? Уж не таится ли под сияющей внешностью какой-то позорный недостаток? Может быть, страсть, которой так и пышут ее взоры, вовсе не искренняя, а наигранная? Может быть, она так холодна и бесстрастна на супружеском ложе, что предаваться с ней любви – то же, что пытаться разгорячить мраморную статую, или, как говорят в народе, бревно? А нет ли у нее в тайном месте изъяна? А не страдает ли какой-нибудь опасной болезнью?

Юлия так вздрогнула от этих ужасных предположений, что невольно натянула вожжи, и упряжка стала.

Нет, она этого не вынесет... Пусть какая угодно дурная слава, обвинение в каких угодно грехах, только не ярлык отвергнутой жены! Не клеймо женщины, которой предпочли мужчину!

Но что же делать?..

Мгновение она, сосредоточенно нахмурившись, незряче смотрела в лесной полумрак. Постепенно начал складываться некий план...

Юлия всегда принимала решения очень быстро, а потому вскоре на прекрасных губах ее заиграла улыбка. Она громко свистнула, и упряжка вновь стремительно понеслась к имению.

Санкт-Петербург – Неаполь, 1819 год

Хоть граф Юлий Помпеевич Литта порой печалился, что любимица его, сердце его, цветок его души – Юлия – теперь довольно редко встречается с ним, он прекрасно понимал, что сие неминуемо в ее взрослой жизни, которая началась с того мгновения, как она бросила вызов самому императору и ясно дала знать, что в любую минуту готова стать его любовницей.

Учитывая, что именно на такой поворот событий ее настроил опять-таки сам Юлий Помпеевич, то он прекрасно знал и к чему это неминуемо приведет...

Приведет к печали, тоске и сердечной боли.

Первый раз он увидел отчаяние в глазах любимого дитяти, когда Юлия пересказывала свой разговор с императором после того, как сообщила Александру Павловичу, что беременна. Она рассказывала – и плакала, вспоминая, как мечтала увидеть живое чувство на этом прекрасном лице, уничтожить это выражение античной статуи, которое ее венценосный любовник носил, точно маску!

Ну вот и увидела – вполне человеческое выражение страха, вернее, безразличия...

– Я полагаю, вы не намерены высиживать царственного цыпленка? – спросил император с неприятной усмешкой. – Это было бы, поверьте, совершенно неуместно! С меня довольно детей, в которых я не уверен! Не прибавляйте еще одного к их списку.

Юлия тогда едва не лишилась сознания от холодности этих слов, от их рассчитанной оскорбительности. И бросилась вон из того закоулка Зимнего дворца, который был, стараниями преданных слуг, превращен в некое подобие любовного гнездышка и куда только двое из многочисленных обитателей Зимнего могли входить: император и его молоденькая, неистовая, пылкая, очаровательная, обольстительная фаворитка, к которой он совершенно охладел в одно мгновение, подумав при этом, что с замужними женщинами сходить все же гораздо безопасней.

У них всегда есть супруг, готовый дать свое имя бастарду. А с этими девицами хлопот не оберешься!

Конечно, Юлия кинулась тогда напрямик к деду. К человеку, который был ей ближе всех на свете. Ближе матери, которая вскоре после рождения Юлии уехала за границу и вела там очень свободную жизнь, и, конечно, отца, генерала Палена, который и самого Юлия Помпеевича Литту, и собственную дочь отчего-то терпеть не мог.

Бабушка к Юлии всегда оставалась как-то неприязненно-равнодушна. Впрочем, Екатерина Васильевна Литта, по первому мужу Скавронская, урожденная Энгельгардт, вообще была слишком ленива, чтобы с кем-нибудь хоть какие-то отношения поддерживать. Она всю жизнь более всего любила лежать на мягких подушках дивана, покрывшись роскошными шубами, и ничего не делать. Знавшие ее в молодые годы люди рассказывали как презабавные анекдоты, что ей частенько присылали ящики с модными вещами, заказанными в Париже, и шкатулки с драгоценностями, но она не давала себе труда даже приказать их открыть. Ей было лень. Она сохранила свою изумительную красоту, вот разве что раздалась не в меру.

Дед был совсем другим... Вот он Юлию любит, обожает, она это чувствовала! И он, конечно, поможет в той беде, в которую она попала!

Юлия не сомневалась: дед сможет убедить императора, что ребенок должен родиться. Ведь это сын Александра, его родное дитя! У него нет наследника, а теперь будет!

Она примчалась к деду с нетерпением и надеждой, однако была изумлена, услышав, что он предлагает ей тот же выход, который предложил – вернее, приказал! – и император. Литта тоже считал необходимым избавиться от ребенка.

Когда Юлия услышала об этом, у нее началась истерика. Она кричала, рыдала, хохотала, словно лишившись рассудка. Литта не в силах был ее успокоить и прибегнул к самому реши-

тельному средству: отвесил ей пощечину, потом другую... И Юлия онемела, замерла, а потом стала плакать тихо и горько, безнадежно и покорно.

Литта понял, что самое страшное позади и теперь Юлия сможет внимать его доводам.

– Поверь, ненаглядное дитя, – говорил этот могучий, красивый человек, утирая слезы дрожащей девушке и плача вместе с ней, – опасно заводить государевых бастардов, особенно если эти государи не хотят знать своих детей и даже слышать о них не желают. Если мы сейчас ослушаемся императора, мы навлечем на себя его гнев и озлобление света. Это ляжет тенью и на твоих потомков – я уж не говорю обо всей нашей семье! Если же ты в настоящем покоришься воле государя, он почувствует себя виноватым и непременно позаботится о твоей будущем. Поверь, родная, я знаю, что говорю!

Юлия привыкла безоглядно верить человеку, у которого выросла и который был ей ближе и дороже всех на свете. Она повиновалась – и покорно приняла услуги опытной повитухи, которая была доставлена в дом Литты под покровом темноты и строжайшей тайны. Особа сия в буквальном смысле слова набила руку на избавлении от последствий запретных связей и считалась маэстро своего дела, однако раз на раз не приходится... Не пришлось и теперь, потому что Юлия едва не умерла от кровотечения. И оказалось несомненно, что детей ей более рожать не суждено.

Литта был вне себя от горя. Он страшно боялся потерять свою любимую девочку, а когда она выздоровела, стал бояться, что лишился доверия Юлии навеки.

Он отправился к императору и впервые напомнил об услугах, которые Мальтийский орден в лице Литты оказывал его царственному отцу – государю Павлу Петровичу. Напомнил о том восторге, который вызывала у Павла Первого деятельность госпитальеров, иоаннитов, мальтийских рыцарей. И впервые потребовал от императора если не платы, то внимания к этим услугам.

Государь Александр Павлович всю жизнь нес на себе тяжкий груз вины за то, что произошло в Михайловском замке в ночь на 11 марта 1801 года. И при воспоминаниях об отце он мгновенно слабел и на какое-то время становился рабом того человека, который пробудил в нем эти тяжкие воспоминания.

Так случилось и в разговоре с Литтой. Кроме того, Александр уже жалел, что приказал Юлии избавиться от ребенка, тем более – сына, как оказалось. Ему было стыдно и страшно своего стыда и неминуемого одиночества...

В этом состоянии он дал неумолимому Литте определенные обещания, а император был известен в равной степени и своей слабохарактерностью, и умением твердо держать данное слово. Истории известен лишь один случай, когда он не решился исполнить обещанное, однако Петр Алексеевич Пален потрудился над тем, чтобы в этом правиле не существовало исключений.

Теперь Литта мог не сомневаться, что судьба его любимого дитяти будет устроена самым блистательным образом.

Лишь только силы немного вернулись к Юлии и стало понятно, что она сможет выдержать долгое путешествие, Литта увез ее в Италию.

Сам он был итальянцем и не сомневался, что голос крови властно зазвучит в его дочери.

Ну да, ну да, именно так! Не внучкой Литты была эта девочка, а родной дочерью, которую он любил больше всех на свете. Плодом связи с Марией Скавронской, его падчерицей... Ну что же делать, если жена, Екатерина Васильевна, оказалась слишком ленива, чтобы разделять буйную страстность своего второго мужа? А Мария сама влюбилась в отчима и принялась его неистово соблазнять. И она была так похожа на Екатерину... Екатерину тех давних и прекрасных времен, когда некий командор Мальтийского ордена безумно влюбился в жену русского посланника в Неаполе и перекроил из-за этой любви свою судьбу.

О, Литта в свое время оказался куда милосерднее русского императора, и как только Мария поняла, что беременна, немедленно устроил ее брак с Павлом Паленом. Конечно, за ним очень гонялась ее старшая сестра Екатерина, тайная дочь самого светлейшего князя Потемкина-Таврического, но молодой Пален страстно любил Марию. Литта затеял дивную интригу, о которой он до конца жизни вспоминал с удовольствием – и Павел Пален увез Марию как бы без согласия ее матери и отчима и тайно венчался с ней. Венчание, впрочем, почти тотчас перестало быть тайным – стараниями того же Литты. Он предчувствовал неприятное открытие, что, во-первых, его обожаемая, возделенная супруга уже не девица, а во-вторых, беременна, – уничтожит всю пылкость молодого Палена. Генерал с удовольствием отказался бы от своих обязательств, когда бы не был человеком чести. Но жизнь молодых супругов сразу, с первой же брачной ночи, стала поистине невыносимой, а потому они оба вздохнули с облегчением, когда приличия позволили Марии, только что родившей дочь, отбыть под крыло заботливой маменьки и более чем заботливого отчима – в Санкт-Петербург.

И здесь-то Литта встретил самую большую и святую любовь своей жизни – девочку, названную его именем...

У него уже были побочные дети. От одной хорошенькой и добросердечной француженки он прижил двух сыновей, но был к ним совершенно равнодушен. Мальчики пошли в мать – невысокие, худощавые, с мелкими, пикантными чертами лица. Очень привлекательные, но не более того. Юлия же с первых дней жизни была его портретом – со смягченными и утонченными чертами, конечно, но все же при взгляде на нее сразу вспоминалось прекрасное лицо того пылкого мальтийца, который некогда с превеликим облегчением сбросил с себя цепи обета безбрачия, чтобы отдаться наконец велениям своего сердца и своего естества. Разве удивительно, что Литта обожал Юлию?! Тем паче, что обожал ее он один...

«Законный отец» Пален этого ребенка видеть не хотел. Сознание, что он, неведомо для себя, послужил не более чем ширмой для прикрытия непристойной и, мягко говоря, постыдной связи, его просто убивало и наполняло отвращением к прелестной девочке. Человек не всегда властен в самом себе...

Мария была к дочери совершенно равнодушна. Наверное, подобное качество она унаследовала от матери, ибо Екатерина Скавронская-Литта оставалась, как уже говорилось, фантастически безразлична к жизни вообще и к своим детям – в частности.

Юлии никто не открывал тайны ее рождения. Но, возможно, она сама обо всем догадалась, ибо в Италии только ленивый, взглянув на эту пару, не восклицал: «Как же красивы эти отец и дочь!»

Они объехали всю страну, но больше всего времени провели в Неаполе.

Этот город еще хранил память о законном, так сказать, деде Юлии – Павле Мартыновиче Скавронском, бывшем российском посланнике при неаполитанском королевском дворе⁸.

Впрочем, в памяти неаполитанцев осталась отнюдь не дипломатическая деятельность Скавронского. Дипломаты о нем давно забыли, но престарелые любители музыки отлично помнили, ибо это был воистину меломан из меломанов... Однако весьма курьезный меломан.

Мало того что Скавронский обожал слушать оперы – а неаполитанский оперный Teatro di San Carlo славился на весь мир! – он еще обожал их писать, от либретто до последней ноты, и не только писать, но и ставить.

Не существует театра, который не испытывал бы нужды в деньгах, а Павел Мартынович, который обладал баснословным состоянием, был необычайно щедр. Свои прихоти он оплачивал, не считая ни меди, ни золота.

⁸ Неаполитанское королевство, объединяющее прилегающие к Неаполю области, существовало с 1282 по 1816 г., когда оно вошло в состав Королевства Обеих Сицилий.

Само собой, Скавронский брал на себя все расходы по постановке своих творений, но еще и платил немалые суммы актерам, чтобы они не отказывались от своих партий, которые оскорбляли их музыкальный вкус и слух. Кроме того, нужно было откупить полтеатра для клаверов, которые обязаны были представлять восторженных зрителей. Они неистово аплодировали и усердно заглушали свист и шиканье независимых меломанов, являвшихся на представление графских опер как на необычайно карикатурное зрелище.

Вообще всю свою жизнь Павел Мартынович подчинял этой страсти. Скажем, даже кучер, вывезенный из России, был обучен музыке. Он басовитым речитативом осведомлялся у барина, куда следует ехать. Своей густой октавой он нередко пугал прохожих, когда на певучие вопросы графа начинал с козел давать певучие ответы. Метрдотель распевал меню обеда или ужина; официанты, разливая после каждого блюда вино, хором извещали о названии предлагаемого ими напитка. Словом, даже обеды Скавронского, чудилось, происходили не в роскошном его палаццо, а на оперной сцене.

Юлия всегда любила музыку, особенно – итальянскую, и в Неаполе Литта впервые за долгие месяцы увидел проблеск оживления в ее глазах.

Здание оперного театра было недавно перестроено после пожара и теперь могло похвалиться самым просторным в мире зрительным залом. В эти годы им заведовал Джоакино Россини, «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность» которого три года назад «блистательно» провалился в Риме, в театре Аполло, во время премьеры, и потом долго не мог приобрести популярность у зрителей. Ставил он преимущественно свои собственные оперы – и недавние, но уже любимые публикой: «Отелло», «Сорока-воровка», того же «Цирюльника» – и новые: «Эдуард и Кристина», «Дева озера», «Совет трех» и некоторые другие. Причем премьеры проходили на более фешенебельных сценах, чем «еще пахнущий дымом», как говорили в Неаполе, театр Сан-Карло.

Эти оперы не имели особого восторга публики, и Россини перевозил их потом, после довольно унылых премьер, в Неаполь, заполняя ими сцену и не подпуская к ней других композиторов. Именно поэтому время директорства Россини было отмечено в Неаполе добротной, но по большей части скучной оперой.

Зато по вечерам открывались маленькие народные театрики с непременным участием неунывающего Пульчинеллы. Литта и Юлия очень любили, одевшись попроще, смешаться с вечно и бесконечно праздничной толпой неаполитанцев, которые обладали удивительной способностью устраивать праздник из любого события. Для непривычного человека они казались необычайно счастливыми и, похоже, обладали даром наделять своей жизнерадостностью всех подряд.

И здесь пели – на улицах, в домах, днем и ночью...

И вот здесь-то и произошло событие, которое позволило Литте сказать, что Юлия наконец-то воскресла, более того – оставила трагедию своей жизни позади.

Правда, жизнерадостность неаполитанцев *come tale*⁹ не имела к этому никакого отношения...

⁹ Как таковая (*итал.*).

Близ Павловска, 1827 год

Испокон веков пошаливают на дорогах всех стран удалые, бесшабашные и немилостивые люди, поставившие себе целью поправить жизненные обстоятельства за счет ближнего своего. В Италии их называют *ladros di strada*, в Испании – *salteadors de caminos*, в Германии – *Wegelagerers*, во Франции – *bandits de grands chemins*, в Англии – *highways robber*, а в России – разбойники с большой дороги.

Известное дело: чем больше дорог, тем больше разбойников. Оттого издавна считалось, что Россия разбойная страна, куда разбойней, чем вся Европа вместе взятая, и ездить без оружия по ней нельзя.

На главных проезжих трактах порядок более или менее поддерживался: там и верстовые столбы стояли, и выстроены были ямские дворы, где можно было нанять почтовых лошадей, и хозяева постоянных дворов находились под полицейским приглядом, а потому путешественники, останавливающиеся там на ночлег, могли быть уверены, что проснутся поутру не обобранными, а главное – что вообще проснутся. Ежели же кому приходила необходимость или взбрела блажь пуститься в странствие одному или путями окольными, он вовсе не мог быть уверен в том, что не остановится на ночлег в так называемой разбойной деревне, которая от века живет грабежом и убийством именно человека прохожего – проезжего, особенно если по виду можно судить, что карман у него отнюдь не пустой. Многие путешественники исчезали в таких деревнях бесследно, а иные и до деревень не доезжали – где-нибудь на пути встречала их засека, исконное разбойничье средство останавливать всадников и экипажи, тут они находили свой конец, лихие люди – поживу, а потом вороны да зверье лесное уничтожали и самый след погубленного.

Понятное дело, ездить по глухим лесным дорогам отыскивалось мало охотников, оттого выражение «тать ночной» постепенно сделалось анахронизмом. Но промысел разбойный таким отнюдь не сделался, несмотря на усилия полиции, постоянно понукаемой лично императором Николаем Павловичем, который любого непорядка терпеть не мог, а тем паче – разбойничанья. Многие владельцы поместий в окрестностях столицы и таких знаменитых мест, как Царское Село или Павловск, обязывались поддерживать безусловный порядок в округе. Находились особенно рачительные: они отсылали особые дружины из своих крепостных следить за порядком на укромных дорогах. Таким образом, путешественники могли курсировать вокруг Санкт-Петербурга, чувствуя себя в относительной безопасности.

Однако не бывает правил без исключений, и с таким исключением столкнулся гусарский поручик по фамилии Сен-При, который однажды утром проминал коня в окрестностях Павловска. Вечером этот молодой человек получил с нарочным очень странную записку от неизвестного господина, который желал выяснить отношения с Сен-При по поводу некоей карикатуры, которая показалась сему господину оскорбительной. Сен-При был приглашен на встречу на лесной дороге близ Павловска (его полк в это время стоял там). При отсутствии же Сен-При автор письма грозил обратиться к начальству полка, а то и к самому императору.

Следует сказать, что Эммануил Сен-При был в то время и довольно популярным карикатуристом. Сам Пушкин становился порой объектом его дружеской насмешки, однако губу при этом не дул, потому что и сам слыл величайшим насмешником – гораздо циничнее, чем Сен-При, который, к слову сказать, никогда не изображал в смешном или неприглядном виде особ женского пола, а Пушкин этим беззастенчиво грешил.

Вообще Эммануил Сен-При являлся примером тех любимцев судьбы, которым она всегда подбрасывает нужную карту. Он был сыном херсонского и подольского генерал-губернатора Карла Францевича Сен-При и бывшей фрейлины императорского двора Софьи Алексеевны Голицыной. Богатый, очень красивый, любимый друзьями и женщинами, добродушный,

в меру легкомысленный, в меру задиристый, храбрый, веселый, всегда готовый поддержать любую компанию, Сен-При, несмотря на свой любимый жанр, старался никого и никогда не обижать, а лишь веселить. Наверное, именно поэтому на его карикатуры, которых множество было оставлено в модных альбомах, и не сердились, а тем паче – не требовали объяснений.

И вот такое произошло...

Что его ждет здесь? Придется стреляться или довольно будет отделаться объяснениями?

Сен-При не собирался стреляться из-за ерунды, но сыпать извинениями направо и налево тоже не намеревался. С другой стороны, если неизвестный – человек влиятельный, он может повредить и папеньке-губернатору, и старшему брату Алексису, который служил во Франции по дипломатической части. Вредить своей семье у Эммануила Сен-При не было никакой охоты!

Пытаясь угадать, как сложатся обстоятельства и с кем ему придется иметь дело, он в задумчивости пустил коня рысью – и лишь чудом не вылетел из седла, насколько резко остановился его Альбом (нет, ну в самом деле, как еще мог назвать скакуна художник?!).

Изрядная лесина с заостренными сучьями перегораживала дорогу. Во время своей жизни в Одессе (сын генерал-губернатора учился в Ришельевском лицее) Эммануил не раз слышал о том, как *пошаливают* на лесных дорогах, и понимал, что означает такая вот лесина.

Итак, перед ним была засека. Оставалось решить, что делать дальше. Сучья торчали слишком высоко, чтобы конь Сен-При мог перескочить засеку без урона для своих ног – да и для седока, вместе с которым он мог свалиться на засеку и погибнуть в ужасных муках.

Гусарский поручик осадил скакуна и заставил его попятиться. В то же самое мгновение раздался громкий треск – и за спиной Сен-При свалилось на дорогу еще одно дерево, явно подрубленное заранее, чтобы всадник оказался в ловушке меж двумя неодолимыми препятствиями.

Альбом взвился на дыбы, испуганно заржав.

Слишком занятый тем, чтобы удержаться в седле и успокоить коня, Сен-При не заметил появления на дороге новых действующих лиц, которые выскочили из леса и подступили к нему.

Это были четверо ражих мужиков в низко надвинутых на лбы шапках, с длинными, какими-то неприятно-белесыми, почти одинаковыми бородами. Поручик выхватил саблю, но один из мужиков проворно вскочил на круп Альбома сзади и так стиснул огромными ручищами худощавого Сен-При, что тот едва не задохнулся.

Сабля была выдернута из его руки, сам он – сташен с седла, опутан веревками, глаза его вмиг оказались завязанными, в рот засунули кляп, а вслед за тем его положили при дороге на траву.

Он мог слышать беспокойное ржание Альбома и негромкий голос, его увещевавший. Видимо, кто-то из нападавших пытался успокоить коня, и это ему вскоре удалось.

Сен-При мимолетно удивился, что у одного из мужиков оказался такой ласковый голос. Возможно, впрочем, еще один разбойник появился из леса и занялся конем, пока остальные отгаскивали с дороги засеку и вторую лесину.

Сен-При мог догадаться по звуку, чем они занимаются. Очищают дорогу для других путников, чтобы никто и догадаться не мог о существовании разбойников!

Силищей, конечно, нападавшие обладали огромной, поскольку уже через несколько минут Сен-При был снова подхвачен грубыми руками – и его понесли куда-то через лес.

Он ощутил прохладу чаши и запах сырости, прелой листвы, а также еще какой-то странный запах – довольно резкий, раздражающий ноздри и не слишком приятный. Этот запах, впрочем, Сен-При почувствовал еще на дороге, когда на него навалились мужики, но никак не мог определить, что это так странно пахнет. Почему-то приходила на память баня, но при чем тут вообще баня?! Не в баню же его несут!

Ветки то и дело задевали Сен-При, однако, судя по ровным, хотя и торопливым шагам нападающих, дорога была торная, без ям и буераков, и это удивило похищенного. Видимо, где-то здесь располагалось гнездилище этих супостатов, и они шли нахоженной тропой, по которой частенько отправлялись на разбойный промысел. Сен-При вновь удивился, ибо эти места, расположенные близ Павловска, одной из императорских резиденций, вполне могли считаться цивилизованными.

Ну, знать, не могли они таковыми считаться...

Позади Сен-При слышал осторожные шаги коня, которого вели в поводу. Иногда Альбом испускал короткое ржание, как бы подавая привет хозяину, и тогда Сен-При становилось чуть легче на душе.

Теперь он ругательски ругал себя за то, что так необдуманно пустился в это путешествие, никому не сообщив о письме. Правда, автор этого письма очень просил оставить все в тайне. Теперь понятно почему...

Итак, нападение на Сен-При было подготовлено заранее, но чего ради?

Он не мог вообразить себе такой степени обиды на незначительный рисунок, при котором надо собирать разбойничью шайку для нападения на автора сего произведения. Скорее всего, обида была лишь выдуманным предлогом.

Тогда в чем причина похищения?

Сен-При терялся в догадках.

Кошелек его совсем не так толст, как могло казаться, да и не было при нем кошелька! Однако не за его кошелеком охотилась разбойная шайка, ибо пленника даже не обшарил никто. Возможно, и в России уже начали укореняться премерзкие обычаи, когда людей похищают ради выкупа? Сен-При слышал, что этим очень грешат итальянцы, особенно корсиканцы; кроме того, некоторые русские офицеры, служившие на Кавказе, становились объектами таких же гнусных похищений. Как правило, спастись им не удавалось, более того: в плен черкесам попадал и тот несчастный храбрец, который привозил выкуп за брата, товарища или господина.

Ну что ж, отец Сен-При богат и знатен, он не пожалеет денег ради любимого младшего сына, но разве возможно будет жить после такого позора?!

А может, с божьей помощью все же удастся избавиться от похитителей? Наверное, там, в их притоне, ему развяжут руки. Он оглядится – и сбежит при первой же возможности!

Наконец люди, которые несли Сен-При, замедлили шаги. Они переговаривались между собой очень тихими голосами.

Пленник напряженно вслушивался. Между грубым, низким гудением, напоминавшим приглушенное шмелиное жужжание, прорывался иногда голос тихий, нежный, но при этом властный. С ним никто не спорил... Это был тот же самый голос, который ласково увещевал Альбома. Внезапно Сен-При понял, что это женский голос.

Итак, шайкой разбойников предводительствовала женщина? Атаманша?!

Сен-При никогда не слышал об атаманшах, и его воображение невольно разыгралось. Он представил себе какую-нибудь крестьянку, вероятно, вдову, которая собрала всю свою родню и выводит ее время от времени на большую дорогу. Несомненно, где-то в городе, в обществе, у нее есть сообщник или покровитель, который и сообщает ей о том, кто и когда может оказаться в этих местах, а может быть, и заманивает простаков в ловушку с помощью таинственных писем и под фальшивыми предложениями, на манер того, как заманили Сен-При.

А может быть, разбойной атаманше покровительствует кто-то из окрестных помещиков, который решил поправить свои расстроеныя дела?

Эммануил вспомнил одну историю, которая произошла близ Одессы еще в пору его учебы в лицее.

Некий богатый латифундист промотал состояние в игорных домах, а чтобы вновь нажать деньги, связался с контрабандистами и греческими пиратами, которые промышляли в тамош-

них водах. Он помогал прятать и сбывать добычу. Однако при этом вел двойную игру и грабил с помощью своих крепостных тех, кому якобы помогал. Он и в самом деле очень быстро восстановил капитал, но нашлись умные люди, которые все же связали концы с концами. В результате оборотистый и двуручный помещик был зарезан в своей постели, а дом его сожжен.

Почему бы подобному дельцу не сыскаться близ столицы России? Днем он приличен и знатен, а ночью его крепостные шарят по большим дорогам? И не только ночью – ведь Сен-При попался в ловушку довольно ранним утром!

А возможно, это помещица? Голос как-то не слишком походил на крестьянский выговор...

Вдруг пленник насторожился: он почувствовал, что сыроватый и прохладный лесной воздух сменился легким ароматом садовых цветов. Сильно пахло медуницей, и Эммануил вспомнил сад своей матушки в Одессе. Она очень любила медуницу за причудливость ее цветов. В начале цветения она розовая, потом становится или синей, или лиловой, а то и голубой или белой, поэтому очень часто на одном растении можно увидеть цветы разной окраски.

Судя по запаху, медуницей была засажена большая клумба, что мало увязывалось с образом крестьянки, созданным воображением Сен-При, зато вполне подходило к образу помещицы – покровительницы разбойников.

Против воли своей Сен-При взволновался. Женщина – как в данном случае выразился бы Пушкин, которого наш герой обожал! – *всегда имела право на его воображение.*

Может быть, она красива?.. Молода?

Ах, как же все это загадочно!

Сен-При вспомнил какой-то роман, в котором некая похищенная девица настолько очаровала и улестила своего похитителя, что он влюбился в нее и отпустил с приехавшим за ней женихом, не взяв выкупа, после чего покончил с собой, не в силах жить под тяжким грузом своего великодушия.

Впрочем, он тотчас обуздал свое разыгравшееся воображение, напомнив себе, что он – мужчина, а потому пускать в ход женские уловки и покупать свободу за любовь ему не пристало.

Он так погрузился в размышления, что не сразу почувствовал: атмосфера вокруг него вновь изменилась. Теперь Эммануил находился в каком-то теплом помещении, где сильно пахло розами. Все было настолько пропитано их ароматом, что ему показалось, будто его принесли в оранжерею.

Наконец Сен-При поставили на ноги, развязали их и сняли с тела опутывавшие его веревки. Вытащили кляп изо рта и поднесли воды.

В первую минуту Эммануил с трудом двигал онемевшими челюстями, а потом с наслаждением напился из поднесенной кружки.

Руки его, впрочем, оставались стянутыми за спиной, а глаза – завязанными.

Сен-При слышал удаляющиеся мужские шаги, а потом где-то вдали захлопнулась дверь.

Он стоял с чуточку кружащейся головой, насторожившись, пытаясь уловить хоть какой-то звук.

Вокруг царила полная тишина, напоенная ароматом роз, и Сен-При вздрогнул, будто от выстрела, когда до него донесся женский голос, пропевший причудливую музыкальную фразу, а потом речитатив:

О, как безрассудна, о, как беспощадна любовь...

Подсуден ли тот, кто под властью ее
совершит преступление?
Отыщет ли кто хоть одно оправданье ему?
Поверит ли в тяготы страсти,

безумные муки – ну хоть на мгновенье?
Неодолим гнет любви, неодолимо влечение.
Не видеть любимую – мука,
не видеть любимого – горе,
И легче погибнуть, чем в невозможность
Поверить
Блаженства грядущего – ну хоть на мгновенье...

Голос был низок и прекрасен, музыка восхитительна. Меломан Сен-При тотчас узнал арию Октавии из модной оперы Пачини «Последний день Помпеи».

Образ разбойной крестьянки развеялся как дым. Петь по-итальянски, да так, словно над голосом потрудились ведущие оперные профессора?!

Ей хоть сейчас на сцену!

Но кто же она?

Поющий голос приближался, затем напев оборвался очаровательным смешком, и Сен-При ощутил, что кто-то стоит за его спиной. Он хотел обернуться, но ощутил горячие пальцы на своих запястьях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.